

Инкар Какимбаева

доцент КазНУ им. аль-Фараби

Я СОХРАНЮ ЗЕМЛЮ ОТ ЗЛА...

К 75-летию ОРАЛХАНА БОКЕЕВА

«Все сюжеты моих повестей, рассказов навеяны воспоминаниями о родных местах, действительными событиями юношеских лет. Мои земляки казахи – люди цельных характеров, честных и открытых сердец. Словно замороженные, живут они в облубованном предками пространстве. Преданные родным местам, мои земляки – гордые, трудолюбивые, доблестные и честные люди», – отмечал Оралхан Бокеев, уроженец Рудного Алтая, одного из живописнейших мест Казахстана [1]. Любовь и гордость, восхищение и преклонение перед родными местами звучат в каждом его произведении. Ему, как говорил А. С. Пушкин, «дивно близки» «два чувства»: «...любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу». Осознание своего кровного родства с землей, историей, сохранившейся в легендах и мифах, определило направление его прозы.

Оралхан Бокеев – автор повестей «Человек-Олень», «Крик», «Снежная девушка», «Сказание о матери Айпаре», «Камчигер», в которых нравственные проблемы (любовь, дружба, благородство, чистота помыслов) раскрываются при помощи обращения к мифу. Это придает повествованию философский характер, и, несмотря на то что О. Бокеев изображает простых людей, рядовые события, в его произведениях ведущей темой становятся философские проблемы добра и зла, жизни и смерти, поиска смысла человеческого существования. И на современном этапе развития общества, когда все ищут ответы на такие вопросы, проза Оралхана Бокеева особо актуальна.

Личность и творчество Оралхана Бокеева, чьи повести стали не только литературным явлением, но и фактом культурной жизни Казахстана, до сих пор вызывают постоянный пристальный интерес литературоведов. Но в то же время мало внимания уделяется той культурной среде, в которой родился и был воспитан будущий писатель, мало освещаются те впечатления увиденного и услышанного, которые уходят своими корнями в его детство и юность. Детские и юношеские впечатления бытия, образы и ассоциации навсегда остаются в памяти любого человека, а тем более в памяти натуры творческой. Советский литературовед Н. К. Пиксанов отмечал, что для осмысления появления и роли выдающихся деятелей культуры необходимо изучать культурную среду, своеобразие «культурных гнезд», где они родились, выросли или воспитывались [2; 54].

«Край, связанный с местом рождения, детством и жизнью писателя, во многом определяет характер и общий запас его понятий, образов и слов, – считал исследователь В. А. Кошелев. – Причем определяет с самого важного периода его жизни – детства и отрочества, когда первые случайные мотивы его будущих произведений уже возникают в его творческом воображении. Кроме того, в процессе, не вполне ясном еще для ученых, любой писатель (и любой художник вообще) воплощает в своих образах те черты, которые в разное время выступили, так сказать, в “среднем типе” его родины, связанном с любимым уголком» [3; 6].

Родиной Оралхана Бокеева является один из самых красивейших и загадочных уголков страны – Шынгыстай Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области, где горы выше облаков и «тучка золотая» «ночует» «на груди утеса-великана», где, повторяя изгибы серпантина горной дороги, течет река Бухтарма, а сверху с космической мудростью и величием взирает на мир таинственная Белуха (Мұзтау). Говорят, что гости-иностранцы не могут с первого раза поверить в реальность такой феноменальной красоты природы. Край, где родился и рос до двадцати пяти лет будущий писатель, богат кристальными горными ручьями, неприручаемыми стадами оленей и маралов,

настоянным на солнце запахом кедровой хвои и бесчисленными ароматами цветов, знаменит самой высокой на Алтае двуглавой горой Мұзтау. Неслучайно в творческом сознании писателя его родные места воспринимаются как возвращенный Эдем, о чем писал в свое время Николай Рерих. Он считал эту вершину одним из нескольких мест на нашей планете, через которые земля получает энергию космоса. Оралхан Бокеев знал об этом и детально описывал ощущение притяжения особой энергетики.

Его увлечение мифами берет начало в этих местах: само название «Катын-Карагай» переводится с тюркского как «отчий дом». А река, которую сейчас называют Катунь, изначально звучало как «Катын», в переводе – «титул, глава». В этих местах живут потомки рода оргенекты, населявшего некогда великую Туранскую империю (об этом много и интересно пишет и другой писатель, земляк Оралхана Бокеева Калихан Искаков). Аура прародителей создает здесь особую атмосферу жизни – неспешной, с особой системой ценностей, что находит отражение во всех натурфилософских повестях Оралхана Бокеева.

Время, проведенное Оралханом Бокеевым в Катон-Карагае, его никогда не прерывавшиеся связи с родным краем интересны и значительны, так как проливают дополнительный свет на биографию писателя, прожившего всего 50 лет, позволяют глубже проникнуть в его творческую лабораторию, лучше разобраться в истоках его вдохновения. Поэтому можно смело утверждать, что это время сыграло немаловажную роль в его биографии и творчестве. Катон-Карагай, Шынгыстай, горы и соседние аулы и села составили ту культурно-историческую среду, которая была так благотворна для молодого писателя.

По терминологии, принятой в современной культурной географии, всю эту среду по праву можно назвать местом «элитогенеза» – местом, «связанным с рождением и воспитанием одного из ярких представителей национальной культуры» [4; 13].

Оралхан Бокеев после окончания школы работал пионервожатым, трактористом в совхозе «Алтайский». В 1969 году заочно окончил факультет журналистики Казахского Государственного университета имени С. М. Кирова. Был корректором, переводчиком заместителем редактора Большенарымской районной газеты «Еңбек туы», литературным сотрудником Восточно-Казахстанской областной газеты «Коммунизм туы». С 1968 года он бывал в родных краях лишь наездами, большую часть времени проводил в Алма-Ате, перешёл на работу заведующим отделом республиканской молодёжной газеты «Лениншіл жас». Много лет (с 1974 по 1983 г.) заведовал отделом прозы журнала «Жұлдыз». С 1983 года до последнего дня жизни работал главным редактором литературной газеты «Қазақ әдебиеті». В 1991 году Оралхан Бокеев основал творческую Ассоциацию казахских литераторов «Аққұс» и являлся её президентом. Но, несмотря на свою популярность и известность, занятость и другие объективные обстоятельства, он всегда возвращался мысленно и наяву в родные края, в свое родовое гнездо, каждый раз воссоздавая его в той или иной повести.

Тема малой родины в его повестях является ведущей. Его герои верны родной земле, помнят о своих истоках и корнях. Тема памяти, долга и верности отчуждённому краю соотнесена у казахского прозаика не только с сегодняшним днем, но и с историей. Его герой чутко откликается на боль прошлого, на мифы, предания, легенды. Он ощущает свою причастность к роду и племени, к мытарствам кочевого народа, к былым междоусобицам, к нескончаемой борьбе за самосохранение. Бокеевский герой – его современник, занят обычным крестьянским трудом, и в то же время они – носители сознания, не осложнённого интеллектуальными наслоениями, то есть «первозданный» человек, поэтому болезненно реагирующий на зло и несправедливость.

В культурном гнезде Катон-Карагая не могла не родиться такая личность, как Оралхан Бокеев. Герольд Бельгер, переводчик, литературовед, писатель, не раз переводивший произведения Бокеева, восторженно отзывался о нем: «Романтическая, вдохновенная душа. Человек-олень! В жизни держался ярко, броско и всегда несколько особняком от пишущей братии. Высокий, изящный, быстрый. Двигался так, что пышная смоляная грива всегда была как бы позади него... Много писал и много, казалось, легко, издавался. Переводил Оралхана его близкий друг Анатолий Ким. Была в нем некая тайна... Он так и ушел из жизни с какой-то неразгаданной нами загадкой, не успев полностью раскрыться и как писатель, и как личность. Красивый был человек...» [5; 13].

Оралхан Бокеев в казахской культуре есть явление уникальное и выдающееся – таково общее единодушное мнение всех его современников. В. В. Бадиков, исследователь его творчества, отмечал, что «всё удивительно и, может быть, загадочно в судьбе этого писателя – мощный художественный интеллект (слово «талант» здесь мало что объясняет), стремительный набор творческой высоты, широкое признание, интенсивная общественная деятельность и внезапная, как катастрофа, смерть вдали от родины, в Индии, накануне своего 50-летия» [6]. Анатолий Ким, переводчик прозы О. Бокеева, называл его казахским Кнудом Гамсуном [7].

Оралхан Бокеев вошел в литературу уже зрелым человеком, хорошо знающим повседневную жизнь своих героев, неслучайно его сразу отнесли к поколению «сорокалетних», поставив его имя рядом с А. Кекильбаевым, М. Магауиным, Д. Досжаном, Б. Джандарбековым, С. Санбаевым и др. Первые его повести «Камчигер» и «Сказание о матери Айпаре» больше похожи на героическую поэму или дастан в прозе. Такая стилизация народного лиро-эпоса успешно использовалась его современниками: вспомним исторические рассказы «Тропоку тулпара» (1967) Д. Досжана, «Степные баллады» (1968) А. Кекильбаева, роман «Хан Кене» (1969) И. Есенберлина, поэму «Глиняная книга» (1969) О. Сулейменова. Но у Оралхана Бокеева явственно ощущается романтический пафос, который проявляется в авторской лирической задушевности, открытости, в стремлении к таинственным, авантюрным сюжетам, загадочным человеческим характерам и судьбам. В ранней прозе писателя показана советская реальность: в повестях «Когда уходят плеяды», «Отзовись, мой жеребенок» – трагическая эпоха коллективизации; в повести «Поезда проходят мимо» – строительство Турксиба и война; в «Поющих барханах» – хрущевские времена, подъем целины и пустыни, спасение профессий чабана и оленевода; а в «Снежной девушке» и «Отголоске юных дней» – жизнь и быт родных писателю мест на фоне брежневской эпохи.

Второй период творчества Оралхана Бокеева характеризуется обращением к философским проблемам бытия. В рассказах 70–80-х годов XX века «След молнии», «Бура», «Ардак», «Кербугу», в повестях «Олиара», «Крик», книге «Человек-Олень», состоящей из трех диптихов: «Пролетели самолеты, промчались поезда» («Поющие барханы», «Огненная арба»), «Великая степь» («Сказание о матери Айпаре», «Камчигер»), «Это было зимой» («Крик», «Снежная девушка»), и в повести «Человек-Олень» писатель поднимает острые и актуальные для того времени проблемы утраты единства в своем народе, его духовного оскудения, с одной стороны, и с другой – проблемы подвижничества простых людей, живущих в гармонии с природой, в постоянном совестливом беспокойстве стремящихся что-то изменить в этом мире. Некоторые критики сопоставляли героев О. Бокеева с толстовскими правдоискателями, в частности, с Платоном Каратаевым, называли их отшельниками, мечтателями и, в силу своего особого положения, подвижниками.

Б. Габдуллин считает, что «бокеевскую прозу легче понять, если учитывать в ней некий налет экзистенциализма. О. Бокеев в какой-то мере идеалист-метафизик, носитель духа, открывающего доступ к незримой Внутренней реальности. В природе человека автор ищет двойственность: духовное (внутреннее) начало и физическое (внешнее)» [8]. Профессора КазНУ имени аль-Фараби Н. Джуанышбеков [9] и А. Ишанова [10] исследовали проблемы фольклорных традиций, в частности, использования притчевой поэтики в повестях О. Бокеева. А. Ишанова отмечает, что «особенность прозы О. Бокеева – в том, что почти всех его героев-чудаков объединяет их особое отношение к природе, близость к ней. Не всегда им удаётся быть понятыми людьми, и тогда лишь природа способна даровать им гармонию просветлений, несмолкающую мелодию жизни... В его творчестве, как и в произведениях многих талантливых казахских литераторов, можно увидеть продолжение ауэзовских традиций мастерского, реалистического воссоздания эпохи и человека, а также традиций русской ли-

тературы» [10]. По мнению В. Бадикова, повести Бокеева есть «торжественное и скорбное отпевание Великой Степи, огромной кочевой истории и культуры своего народа, реквием и гимн. Здесь сливаются традиции народного героического эпоса и горькой мудрости Абая» [6]. Критик Л. Теракопян считает, что Оралхану Бокееву «тесно, неудобно в жёстких рамках очерковой заданности. Его перо привыкло к простору, раскованности, свободной игре воображения. Оно уверенно чувствует себя там, где сказка или притча, где реальное перетекает в загадочное, странное, мерцающее» [11].

В статьях М. Бисенкулова повести О. Бокеева рассматриваются с точки зрения своеобразия содержания. Писатель поставлен в один ряд с такими прозаиками, как А. Алимжанов, С. Муратбеков, А. Кекильбаев, Д. Досжанов, Д. Исабеков, Б. Момышулы. Подчеркнута общность разнообразного тематического диапазона, круга этических проблем. Особое внимание М. Бисенкулов уделяет эволюции мотива одиночества в таких произведениях О. Бокеева, как «Оттепель», «Отголосок юных дней», «След молнии», «Человек-Олень», «Камчигер», «Олиара», «Ардак», «Отзовись, мой жеребенок», «Снежная девушка». Исследователь считает, что «одиночество героев О. Бокеева или предопределено драматизмом жизненных обстоятельств, или выбрано самими героями в силу различных внешних причин» [12].

Такого же мнения об О. Бокееве критик-писатель Вл. Личутин: «Мотив бокеевской прозы несколько печален и постоянен, и тем усилено ее воздействие: одинокий человек, одинокая юрта, одинокая гора, над нею солнце, и постоянно ждущая хозяйина, верная ему одинокая лошадь» [13].

Повесть «Человек-Олень» в переводе Анатолия Кима, писателя, похожего на О. Бокеева мифологичностью своего художественного сознания, сделала писателя знаменитым на весь Советский Союз. Примечательно, что у Анатолия Кима есть роман со схожим названием «Отец-Лес». Анатолий Ким, так же, как и Чингиз Айтматов, Владимир Санги, активно использующий миф в сюжете своих произведений, смог передать русскоязычному читателю своеобразие бокеевского стиля.

В повести все необычно, начиная с заглавия. На казахском языке оно другое – «Мұзтау», подчеркивающее суровую красоту горы, у подножия которой происходят события, описанные в повести. Переводчик Анатолий Ким дал повести вторую жизнь, назвав ее, с согласия самого автора, по имени главного персонажа – «Человек-Олень». Это заглавие сразу же связывает два мира – мир человека и мир природы. Главный герой, как никто другой, связан, слит с природой, живет в ней и с ней в гармонии. И, по нашему мнению, герой намеренно избирает одиночество, так как он не чувствует себя одиноким: он живет в изоляции от людей, у него мать – немая, но он окружен природой, которая и создает ему необходимую атмосферу, ощущение причастности к живому началу в природе. Уже во втором предложении повести есть фраза: «Здесь родился и вырос джигит, которого народ прозвал Человеком-Оленем» [14; 89]. У героя есть и собственное имя – Актан, которое содержит намек на белый цвет, символизирующий чистоту, святость, первозданность. Неслучайно, думаю, употреблен и второй корень («тан»), держащий понятие начала дня.

В начале повествования в большом предложении упоминаются все три имени главного героя: «Но Человек-Олень слышал, что дальше, за ее пределами, живут

казахи: ушли в те далекие времена, когда даже солнце, как говорится, отвернуло лик свой от народа, и люди бежали, спасая голову, гонимые страхом и темными слухами, кто верхом на лошади, а кто и пешком, богачи и последние бедняки – все уходило за горы, и порою Актан, которого прозвали в ауле Оленем, Зверем, думал с невольной грустью: “Сколько же их там бродит, на чужбине, терпя побои и унижения... Но какое мне дело!”» [14; 91].

Сознание главного героя О. Бокеева мифологично. Оно отражает точку зрения человека, вышедшего из чистой народной среды. Поэтому Актан живет и действует в двух пространственно-временных мирах. Пространство аула Аршалы, покинутого всеми, кроме Человека-Оленя, – причудливый мифологический, сказочный мир, за пределами которого начинается обычная жизнь. Само местоположение способствует мифологическому восприятию Актаном мира. Покинутый людьми аул Аршалы, куда нет дороги, а в непогоду туда вообще не добраться, остается отрезанным от внешнего мира, цивилизации, уединенным хранителем легенд и преданий.

Герой убежден, что Аршалы – граница казахской земли. Хотя Актан слышал о необъятности Казахстана, Аршалы для него будет центром мира. За пределами его для героя все загадочно, непонятно. Это навеяно сказами старого Асана. Благодаря ему, неистощимому на выдумки сказочнику, Аршалы воспринимается как особый мир. Символично название аула: Аршалы – можжевельный. Можжевельник и в восточной мифологии, и в западной несет особый символический смысл. Этот образ характеризуется через такие качества, как вечность, бессмертие. В европейской мифологии с ним связана символика смерти, преодоления смерти и начала новой вечной жизни. О. Бокеев, называя место действия своего героя этим именем, не мог не учитывать и европейскую традицию. Для создания особого мира Аршалы в повести используются древние легенды и предания, где доказывается, что Аршалы – «край» казахской земли: «Земля казахская кончается аулом Аршалы, дальше чужие страны, неведомые края» [14; 90]. С нашей точки зрения, здесь возможно провести параллели с Обломовкой И. А. Гончарова. Для героя романа Ильи Ильича Обломова его родная деревня была «чудным краем», «сонным царством», где царили «глубокая тишина и мир», а «обитатели этого края далеко жили от других людей», хотя «ближайшие деревни и уездный город были верстах в двадцати пяти и тридцати». Обломовцы слыхали, что «есть Москва и Питер, что за Питером живут французы и немцы, а далее уже начинался для них, как для древних, темный мир, неизвестные страны...» [15; 107]. Хотя надо учесть, что функции пространственных деталей в развитии сюжета романа И. Гончарова и повести О. Бокеева различны. У Гончарова идиллический мир Обломовки ведет героя к нравственному разрушению личности, а у Бокеева мир Аршалы способствует сохранению чистоты души героя.

При чтении повести создается впечатление, что в Аршалы проходит граница реального и мифологичного. Писатель применяет принцип смещения пространственных ориентиров: «Он не бывал на чужой стороне, но слыхал, что Казахстан огромна, как несколько вместе взятых немелких государств, и все же ему представлялось, что, если скакать с востока или с противоположной стороны, скажем, из Крыма, голова лошади обязательно упрется в центр мира – в его родной Аршалы» [14; 90]. Для героя пространственные реалии размыты, туманны, неопределенны. Реальное пространство в семь-восемь километров в мифологичном представлении

аршалинца растягивается до невероятных размеров.

Другой атрибут Аршалы – туман: «с утра безмолвный туман скрыл горы, поглотил громоздящиеся ввысь каменные утесы, покрытые лесом. Туман так густ, что даже не различить пальцев на вытянутой руке» [14; 91]. Туман порождает тревожное предчувствие: кажется, что в нем вот-вот исчезнет этот мир. С другой стороны, туман выступает своего рода защитой Аршалы от другого внешнего мира, скрывает его от чужих глаз, не выдает наличие в нем жизни. Ведь для всех живших в нем орелинцев старый аул – мертвое кладбище. И туман является своего рода «перегородкой» между двумя мирами.

Еще одна символическая черта Аршалы – отсутствие дороги: «До Аршалы нет дороги, никакая машина туда не проедет...» Путь идет вслед за рекой Акбулак: «... но если идти извилистой тропой вслед за болтливыми струями речки Акбулак, то она сама, словно за руку, приведет вас в заброшенный аул...» Стоит заметить, что Аршалы расположен высоко в горах. По логике, Акбулак должен течь сверху вниз. Но в представлении героя Человека-Оленя, принцип верх-низ, несмотря на конкретные бытовые детали, размыт. Акбулак – горная река. По повествованию получается, что река течет снизу вверх, недаром именно река ведет героя в высокогорный аул. Этот элемент сюжета схож с одной примечательной деталью в поэме Абая «Искандер». Вспомним, что в «Искандере» ручей ведет страждущих путников во главе с самим покорителем Вселенной Александром Македонским вверх и приводит к воротам рая. Возможно, Аршалы воспринимается Человеком-Оленем как подъем, путь, как ближайшая ступень к неземной благодати.

Еще один признак Аршалы – заброшенность, оторванность от всего земного. «В зимнюю пору, когда бушуют метели и сугробы заваливают путь, туда, бывало, никто не мог добраться, и до весны аул оказывался отрезанным от внешнего мира». Уединенность, заброшенность, отсутствие связи с внешним миром, цивилизацией, особый рельеф и природа создают таинственную ауру Аршалы как другого мира. Но в сознании главного героя Актана существует другой, третий мир. Он возникает при помощи хранителя тайн старика Асана, рассказывающего детям послевоенного времени небылицы, сказки, легенды и предания об их родной земле.

Одна из таких «небылиц», как считает сказочник, легенда о пещере Таниркой-мас – «Хранилище Властелина». Нам кажется, что здесь О. Бокеев использует миф о Тенгри (Танир). Тенгри (Танир) в тюркоязычной мифологии языческое божество, распорядившееся судьбами всех, занимает главное место в пантеоне богов. Использование имени главного из божеств в повести О. Бокеева неслучайно и символично. Пещера «Хранилище Властелина» величественна: «...необычайно узкая и высокая черная скала, копьём вонзавшаяся в небо; на макушке каменного наконечника лежал плоский камень... У его подножия находился бездонный провал, и горная тропа, проходившая здесь, подбиралась к самому краешку обрыва, будто желая испытать смелость проходящего путника». Писатель подчеркивает высоту скалы – «вонзавшаяся в небо» – и бездонность пещеры. Опять возникает оппозиция верх – низ. Между этими полярностями лежит особый мир Тенгри (Танир).

О. Бокеев дает немного другую интерпретацию известного мифа о Тенгри. Старик Асан рассказывает детям о том, как однажды спускался туда и как среди ожидаемого мрака, холода его вдруг охватили блаженство, благодать: «Ползком

пробирался я в бездонную пропасть, ощущая лицом ледяное дыхание тьмы, и вдруг почувствовал облегчение... Охватило меня в кромешной тьме блаженство, замер я, овеваемый нежной прохладой, и заплакал от неведомого и неиспытанного доселе счастья». Эта деталь символична. Можно было бы ее рассматривать как оксюморон: «мрак», «холод» и «блаженство», «благодать». Используемый мотив «иной жизни», атрибутами которой являются тьма, холод, переосмыслен здесь писателем по-своему. «Хранилище Властелина» заключает в себе не только что-то темное, но и другое.

Путь Асана, лежавший через «бездонную пропасть», сквозь «ледяное дыхание тьмы», воспринимается как путь к мечте через веру. Старик Асан допущен в мир пещеры Таниркоймас из-за особого склада души, он часть этой тайны. Мир этот иной, неведомый людям: тьма поражает в пещере смельчака, но иприводит в блаженное состояние (может, это атрибут рая). Здест вееет «нежной прохладой». В мрачной пещере Асан ощутил «счастье, доселе неизведанное», пещера оказалась «полна материнской неги». То есть из Хаоса, определяемого мраком, тьмой, холодом, возникли блаженство, материнская нега, счастье, олицетворяющие Космос (Гармонию). Значит, в пещере заключены мир Смерти и мир Жизни, и именно здесь свершается рождение – такой вывод можно сделать, попробовав истолковать символику использованного мифа.

Асана, живущий трудной жизнью в суровое военное и послевоенное время, достиг свою мечту, оказавшись в мире пещеры, что находится «между жизнью и смертью», населен духами. В нем «царит тишина, блаженство, благодать». Он контрастен суровой действительности и спасает героев от отчаяния.

Особое место в повести занимает одна из фантазий Асана о поисках бием Маметеком обетованной земли Жеруйык. «Фантазия» переключается с известными преданиями об Асане Кайгы, посвятившем всю жизнь улучшению положения народа. Бий Маметек, предок здешних алтайских казахов, был богатейшим, мудрейшим и остроумнейшим человеком, «знал много такого, чего не знали другие», из лучших побуждений, взяв с собой 50 нукеров, нашел дорогу в Таиланд. «Увидели джигиты диковинную землю, где и впрямь круглый год стояло дивное лето... Рассказали: растет там что-то вроде пшеницы, вызревает круглый год, и сеять не надо, само собою растет, и очень много». Интересен конечный результат повести. По одной из версий, Асан Кайгы нашел эту землю, но людей туда не повел, так как считал, что народ еще не подготовлен к такой жизни. В повести О. Бокеева бий Маметек не успел перебраться со своим народом в Таиланд, скончался. Может, люди живут так плохо, потому, что остались без праведника?! Но люди все же покидают Аршалы и переезжают в Орели. Мы предполагаем, что название и нового аула Орели также несет в себе особую семантику. «Ор» в значении «орлеу» – развиваться, «ел» народ. «Орели» звучит как обращение к народу, начинающему жить по-новому. Верными же «иному» миру остались Асан, не прижившийся в Орели и вскоре после переезда скончавшийся, и Актан, оставшийся жить в заброшенном Аршалы. Символическая деталь – дымовые отверстия на 59 домах, прикрытые камнями, – делает аул похожим на кладбище, на котором никто, кроме Актана, не живет, и лишь стоит одинокий дом.

Мы уже говорили, что О. Бокеев строит повествование на тесном переплетении мифологического, фантастического и реального элементов. Поэтому в его сюжете возможно сосуществование нескольких миров. Пространственная граница между

этими мирами стирается в сознании Актана, названного Человеком-Оленем. Актан живет в своем мире. Он родился и вырос в Аршалы, «не бывал на чужой стороне», поэтому «вне этих мест все для Человека – Оленя туманно, загадочно, невероятно». На мышление Актана повлияли легенды и предания, рассказанные Асаном. Давняя мечта Актана – спуститься туда, в пещеру Таниркоймас, и вернуться. Но что-то удерживает его, словно существует некий запрет, приобретающий особую символику. О. Бокеев часто использует мотив «верх – низ». Движение вверх олицетворяет очищение души, духовную чистоту, вниз – нравственное падение человека. Человек-Олень хочет спуститься и подняться, он стремится к большему в жизни, чем остальные, и в силу своего мифологического сознания пытается проверить себя.

Для того чтобы показать особый мир души героя, писатель подробно конструирует его образ. Детство не покинуло душу Человека-Оленя. Он чист, ему чужды социальные пороки общества. Ему близка родная природа, он чутко чувствует ее, ясно видит тайны природы. Но в нем живут два человека: один – Человек-Олень, другой – Человек-Машина. Актан больше, чем его учитель-старик Асан, воспитан цивилизацией. Асан, «скорый на язык, живой и умный старик», «шутник, забавник, корявый обломок прошлого», был единственным взрослым мужчиной на весь Аршалы, прозванный Вдовьим аулом. Именно он считал себя ответственным за души оставшихся сирот. «Старый Асан был человеком доброй души», глубоко верил в мир Тенгри, у Актана же эта вера есть лишь у Человека-Оленя. Видимо, поэтому Актан не может быть допущен в пещеру, в ее тайну, мир. Семантика имени здесь сыграла свою роль. Специальные подсчеты используемых имен героя показали, что его чаще называют непривычным для нас именем – Человек-Олень. На втором месте Актан, реже его называют Оленем, Зверем, и еще реже он себя называет Человек-Машина – столько имен понадобилось Оралхану Бокееву для характеристики сложного внутреннего мира героя. Замкнутый, увлеченный своими мыслями, не признающий цивилизацию, Актан живет в заброшенном Аршалы, в котором царит своя таинственная аура. Актана прозвали Оленем еще в детстве. Попытавшись проникнуть в тайны природы, однажды он ушел в тайгу наблюдать маралью свадьбу. С тех пор его зовут Оленем. Он предан родным местам, как Олень. (Вспомним легенду о Рогатой Матери Оленихе, использованную Ч. Айтматовым в повести «Белый пароход».) Аршалы держит в плену своих обитателей. Асан нехотя уезжал из Аршалы и, не прижившись в новом месте, скончался и вернулся назад: он похоронен в Аршалы. Актан остался в заброшенном ауле, не смог предать свою «сказку». В своем одиночестве герой создает чистый, преобразенный мир. Но отказ от людей даже во имя чистоты своего мира грозит гибелью герою. В этом он убедился, встретившись с незнакомцем, прожившим такую жизнь, и тот дает ему совет: «Я несчастен, я потерял свой народ... Вот уже много лет я скрываюсь от людей, не смею выйти в свой аул, над которым вьется кудрявый дым... Уходи к людям. Бойся своего проклятого одиночества. Если ты и дальше будешь скакать здесь по этим глухим горам, как дикий архар, то испытаешь мои муки. Моя судьба перейдет к тебе, как одежда мертвеца, знай это. А здесь ты как в тюрьме, эти горы как стены с четырех сторон...».

Одиночество героя порождает неспособность отличить хорошее от плохого: «И впервые Актан испытывал душевную муку от того, что не умеет, оказыва-

ется, в этой жизни различить дурное от добра. А не умея этого, он остается беспомощным... Та граница, что отделяет человека от животного, проходила именно здесь: в этой способности различать добро и зло... А еще думал Актан о способности человека – и только человека – представлять будущее». Несмотря на то что этот герой наделен богатой интуицией, богатым интеллектом, в нем была стерта эта граница. Люди видели это и недаром же прозвали Человеком-Оленем, Зверем.

Далее возникает мотив испытания дружбой и любовью. Единственным другом Человека-Оленя был ДТ. Но судьба отняла его у Актана. Недаром его друг не имеет собственного имени. Он сопоставляется с трактором, который губит лес. От того и погибает он. И лишь на могиле друга Человек-Олень понимает горькую истину: «Человек, способный задуматься порой над сложными загадками жизни, считающий высшим постижением для себя знание природы и поклонение ей, потерпел крах. Оказалось, знания этого недостаточно, чтобы не совершить перед этой же природой великого греха. Оказалось, что натура жизни совершенно равнодушна к тому, светлый ты человек или темный, злой или добрый, чист ли душою или погряз в пороках. Высшее творение природы – род человеческий не производит в чистом виде мерзавца или благодарного, убийцу или святого». Актан переживает потрясение от того, что не выдержал этого испытания, предал чистые человеческие чувства. Это момент катарсиса, очищения героя.

Актан возвращается к людям в Орели. Возвращается Актан-Разумный. А Аршалы остается последним обиталищем легенд и преданий. И Асан был последним человеком, кому нужны были они. Но есть еще Человек-Олень, который верен этому фантастическому миру, он впитал в себя веру в него от Асана. Да и Аршалы не так легко отпускает своих приверженцев: «Может быть, не уживется там, в нижнем ауле, Человек-Олень, затоскует его душа по дикой свободе, взбунтуется кровь, и примчится он назад, в Аршалы, как в старое убежище. И может быть, захочется ему разгадать тайну исчезновения отца, и сойдет он в ледяное ущелье, куда никто еще не мог спуститься и выбраться, как знать!» Финал повести оптимистичен. Но в то же время этот финал открыт для домысливания, интерпретации.

Как видим, Актан, Человек-Олень – главное ядро повествования в бокеевской повести. Поэтому основное внимание уделяется формированию его мифологического сознания. Именно оно связывает героя с природой, помогает ориентироваться в каждом из трех миров. Первый мир – особый мир Аршалы – обычный для всех, покинутый аул, похожий на кладбище, и особая природная среда, существующая только для Человека-Оленя. Второй – жизнь вне Аршалы. Они показаны в оппозиции: верх – низ. А третий – тот мир, который создан в легендах и мифах старого Асана о Таниркоймасае и о Таиланде. Только двумя героями он воспринимается как область блаженства и похож на рай. Но путь туда Актану пока заказан, хотя возможность попасть туда у него есть.

Актан обречен на духовное сиротство, хотя его отец, единственный из всех джигитов аула, ушедших на войну, вернулся с войны, но не дошел до дома, где его ждали жена и сын (позже Актан узнает о его гибели в Таниркоймасае). На попечении Актана осталась немая от горя мать, любимый конь Белоглазый да брошенный жителями аул Аршалы, который он согласился охранять.

Одиночество и отчуждение от людей становятся привычным уделом для Актана, выбравшего путь «отдельного существования». Книги не помогают, потому что они несут не только Добро, но и Зло. Герой решает жить по-своему: «никогда не откажусь от своей свободы». Внутренний голос-двойник укоряет: жить только для себя нельзя. Но «кто, скажи мне, кто сейчас живет для других?» – сопротивляется Актан и приходит к выводу: «по мне лучше быть Человеком-Оленем, чем Человеком-Машиной». Почему же лучше? Потому что в этом случае ему некогда бояться, так как у него нет врагов. Но Актан-разумный ловит Оленя на слове: «Значит, и друзей у тебя нет».

Борьба Актана-разумного и Человека-Оленя становится кульминационным эпизодом сюжета: Актан вступает в смертельную схватку с человеком-оборотнем, хозяином ледяной пещеры, решается отомстить ему и за гибель своего отца. Он на многое в этой жизни смотрит уже другими глазами: пересматривает свои взаимоотношения с Айгуль и со вдовой своего покойного друга ДТ, теряет почти все свое немудреное богатство, лишается своего верного друга Белоглазого и, наконец, принимает верное, спасительное решение покинуть Аршалы и уйти с матерью в город, к людям. Актан добровольно прерывает свое отшельничество, и Оралхан Бокеев «предсказывает», прогнозирует в «открытом» финале судьбу своего необычного героя, вводя мотив дороги: «Впереди еще длинная, о, длинная дорога. Крепись, душа, не уставай, Человек-Олень». Но главная мысль в повести выражена отчетливо: Актан, впитавший в себя мифологическое сознание предков, на интуитивном уровне постиг непреложную истину человеческой жизни: только человек способен «отделить в этой жизни дурное от хорошего» и только он умеет «предвидеть будущее».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокеев О. О герое и о себе // Рудный Алтай. 2003. 9 окт.
2. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М. – Л., 1928.
3. Кошелев В. А. Вологодские давности. Архангельск, 1985.
4. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998.
5. Бельгер Г. Этюды о писателях // Инфо-Цес. 2004. 29 окт.
6. Бадиков В. Превозмочь одиночество // Нива. 2003. № 12.
7. Ким А. О друге // Рудный Алтай. 2003. 9 окт.
8. Габдуллин Б. Тоска по материнскому чреву // Простор. 1992. № 6.
9. Жуанышбеков Н. Творческий портрет писателя: Оралхан Бокеев // Книголюб. 2006. № 12.
10. Ишанова А. Обрести силу духа: заметки о прозе Оралхана Бокеева // Простор. 1983. № 8.
11. Теракопян Л. Разделение души // Простор. 1990. № 5.
12. Бисенкулов М. Мотив одиночества в современной казахской прозе; Мотив одиночества в прозе О. Бокеева // Актуальные проблемы казахской и русской литературы. Талдыкорган: ТКУ, 1997.
13. Личутин Вл. Между небом и землей... // Бокеев О. Человек-Олень: Повести. Алматы: Жазушы, 1987.
14. Бокеев О. Человек-Олень. Алма-Ата: Жалын, 1987.
15. Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Сочинения в 4 томах. Т. 2. М.: Правда, 1981.

